Гоголь уехал на Юго-Запад

Ольга БУТКОВА

На юго-западной окраине столицы, напротив храма Михаила Архангела, в подвале многоэтажного дома вот уже пятнадцать лет идут спектакли Театра на Юго-Западе. Зал едва ли больше, чем сцена. Всего сто мест — крутым амфитеатром. Актеры со зрителями — лицом к лицу. Тесновато. Перед началом спектакля усаживаются те, у кого билеты «в креслах», а затем уже устраиваются те, кто купил влодные. Но вот гаснет свет, начинается действие, и стены раздвигаются...

Сегодня в репертуаре театра драматургия Гоголя, впервые в истории — трилогия Сухово-Кобылина, Шекспир и Шукшин, Камю и Булгаков, Макиавелли и Ионеско... А начинался он как народный театр рабочей окраины. Наверное, в этом театре есть что-то и от шекспировского «Глобуса». Недаром, когда труппа ставила фарс Мольера «Мнимый больной», то играли его и на пляжах, и в воинских частях на траве... Особенность творческого коллектива и в том, что его режиссер, заслуженный артист России Валерий Белякович, начинал с людьми, которые не мечтали и не собирались становиться актерами. Теперь же можно смело сказать: театр состоялся и театр есть...

Еще одна особенность — это театр воображения: минимум декораций, бутафории. В постановке «Ревизора» на сцене никто ни разу не присядет, нет ни одного стула, да и вообще ничего нет — только люстры. Есть интеллектуальный театр, где самое главное — что актер скажет, здесь же главным является — как скажет. — Как вы оцениваете сегодняшний день театра? — спросили мы режиссера Валерия Беляковича.

— Собака живет один год за четыре. Так считают. Думаю, у театра один год идет за шесть. На моих глазах прошла целая жизнь: рождение, развитие, апогей этого развития. Теперь наш театр можно вполне назвать пенсионером. Нам необходимо начинать новый этап. К сожалению, время не сильно располагает к поиску. Трудно материально: приходится повышать цены на билеты. Что же делать? Мы ведь все повязаны этой меркантильной суетой. В труппе появились новые актеры, за два месяца нынешнего сезона мы поставили «Ромео и Джульетту» и «Укрощение строптивой» Шекспира...

— Ходят слухи, что вы собираетесь продолжать «шекспириану»?

— У нас идет вся драматургия Гоголя. Сейчас думаю, не поставить ли всего Шекспира? Во всяком случае, в программе минимум думаю перенести на нашу сцену «Макбета», которого я ставил во МХАТе. И, может быть, пос-

тавить «Отелло». Знаете, когда работаешь над Шекспиром, тебе что-то помогает, что-то в воздухе такое необыкновенное, как будто веками освященное...

— Каждый, кто видел Гамлета на Юго-Западе, оставался поражен концовкой. Резкий красный свет, заливающий сцену. Фортинбрас, повелительно выкрикивающий фразы на чужом языке... Колонны медленно поднимаются над сценой — оказываются жерлами пушек, наставленными на зрителей. Звучит залп... Обычно образ Фортинбраса трактуют как носителя справедливости, который убирает трупы и наводит порядок. Почему вы решили его иначе?

— Он и так порядок наводит. Как в анекдоте. Дневник: партизаны отбили поляну у немцев, потом немцы отбили ее у партизан, потом опять партизаны... А кончается запись в дневнике так: пришел лесник и разогнал всех к чертовой матери. Вот так и у нас.

Гамлета мы ставили давно. Ездили с ним по всему миру. Считаю находкой именно такого Фортинбраса. Каким он еще может быть? Что ждет ослабленную страну? Все ждут, что придет добрый дядя! Но придет завоеватель. И пушки, стреляющие салютом, уже видятся как пушки поражения Дании.

— Два года назад, когда были постав-

лены «Калигула» и «Вальпургиева ночь», казалось, что четко прослеживается линия развития театра — от первых светлых и веселых спектаклей к жестким и суровым...

— Один из наших последних спектаклей по пьесе Ионеско «Король умирает» продолжает эту «жесткую» линию. В нем и философия, и политика. Прожив жизнь, человек видит, что иллюзии рушатся. Он понимает, королевство погибло. Границы сузились, сблизились, земля в трещинах, министры пошли удить рыбу и упали в ручей. Король умирает. Все умерло... Человек всегда одинок перед лицом смерти. Он предстает голым перед Богом. И что же он вспоминает? Только любимую кошечку, которую растерзала собака. Какая печаль?

Но, с другой стороны, время настолько жестоко, что надо дать людям хоть в театре вздохнуть. И потому мы ставим «Укрощение строптивой».

— В наше время только и слышишь: делать якобы ничего невозможно, руки опускаются...

— Сейчас многое упирается в финансы. Все думают, как свести концы с концами. Но искусство иногда, вопреки всякой логике, вырастает именно, когда тяжело. Когда кажется, сейчас умрешь. Ведь не вне «истории», а в трагичнейшие годы человечества родился полонез Огинского...